

— Это когда тебя так? — Ли Мэн осторожно присыпал рану целебным порошком. Мышцы вокруг глубокого пореза судорожно сжались — боль, должно быть, была невыносимой.

Чжао Лои сидел на постели, скрестив ноги, и безучастно смотрел перед собой. Его рука покоилась на колене, а пальцы — большой и указательный — лениво перебирали воздух.

— Полмесяца назад, на задании, — коротко бросил он.

— Перевязать? — спросил Ли Мэн.

— Не нужно. Завтра присыплешь ещё раз. Положи склянку на место и иди спать. — Голос Чжао Лои снова сделался холодным и безучастным.

Чужой тюфяк казался холодным и сырым — спать на собственной постели было куда приятнее. Но стоило Ли Мэну вспомнить недавний кошмар, как желание уходить улетучилось. Он украдкой взглянул на кровать наставника. Тот уже повернулся к стене и, судя по ровному дыханию, уснул.

Когда в комнате звучит чьё-то дыхание, страх отступает. Ли Мэн поплотнее закутался в одеяло и сжался в комок.

На следующее утро его разбудили тихие голоса за дверью. Спросонью Ли Мэн едва соображал, но один из голосов показался ему смутно знакомым — так говорил Хо Ляньюнь. Сон мгновенно слетел. Юноша бесшумно скользнул к двери и прижался ухом к прохладному дереву.

Створка внезапно распахнулась.

Перед ним стоял Чжао Лои. Накинув на плечи просторный халат, он хмуро взирал на ученика сверху вниз.

Из-за его спины донёлся насмешливый голос Хо Ляньюня:

— Рано или поздно ты вырастишь из него такого же оболтуса, как Третий. Вот поэтому я, маркиз, и не завожу учеников.

— Глаза сначала протри, чучело, — Чжао Лои лениво приподнял ногу для пинка, но Ли Мэн шустро увернулся и пропустил к кадушке с водой.

Умывшись, он заглянул на кухню в поисках пропитания. В поместье давно отзавтракали, однако для него нашлось варёное яйцо и пара холодных пампушек-маньтоу. Ухватив нехитрую снедь, Ли Мэн устроился на корточках прямо на галерее.

Поперхнувшись сухим тестом, он бросился за плоской жидкой кашей. В это время Чжао Лои и Хо Ляньюнь скрылись в комнате. Дверь за ними плотно захлопнулась, и оттуда уже долго не доносилось ни звука.

Внутренний дворик дышал утренней прохладой. На влажную землю опустились две пичуги, выискивая в грязи червей. Ли Мэн крошил им остатки маньтоу, задумчиво наблюдая за птицами. Насытившись, он утёр рот рукавом, отряхнул подол и вернулся к себе, чтобы заняться делом — почистить клинок.

Услышав скрип соседской двери, Ли Мэн закрепил ножны за спиной и вышел на крыльцо.

— Ну и как твои успехи за этот год? — спросил Чжао Лои, распахивая окно, чтобы выпустить скопившийся в комнате сизый дым.

— Ты меня ничему не учил, так что хвастаться нечем, — громко и бесхитростно ответил юноша.

И тут Чжао Лои рассмеялся. Прошлой ночью Ли Мэн уже слышал этот тихий смешок, но в темноте не разглядел лица наставника. Сейчас он невольно оторопел. Оказывается, этот суровый человек умел улыбаться, пусть даже улыбка выходила натянутой, непривычной, а шрам над бровью от этого казался ещё более хищным и зловещим.

— Покажи, что умеешь, — Чжао Лои указал мундштуком трубки для курения во двор.

Ли Мэн послушно спустился по ступеням.

Дождь давно прошёл, но неметёные дорожки заброшенного сада оставались скользкими. Чжао Лои уселся на перила галереи. Зажав большим пальцем чашечку трубки, он небрежно постучал ею по деревянной опоре — глухой, ритмичный стук нарушил тишину двора.

Ли Мэн большим пальцем вытолкнул клинок из ножен. Ладони мгновенно взмокли от волнения. Нахмурившись, он лихорадочно соображал, с чего начать выступление. Наконец взгляд его упал на росшее неподалёку дерево. Закусив губу, юноша представил на его месте врага и с яростным свистом обрушил на ствол череду хаотичных ударов.

Откинув голову на опорный столб, Чжао Лои лениво наблюдал за ним. Он вспомнил прежнего владельца этого меча — мужа весьма грозного и прославленного в Поднебесной. Доведись тому покойнику увидеть, как варварски обращаются с его оружием, он наверняка перевернулся бы в гробу.

Но наставник не спешил прерывать этот позор. Ему хотелось понять, чему парень научился за год скитаний. Подле Чжао Лои стояло блюдо с угощениями из запасов маркиза: сушёный лонган, арахис и сладкий унаби.

Раздался резкий звон — и меч выскользнул из рук Ли Мэна, отлетев в сторону.

— Мечом так не машут, — Чжао Лои неторопливо разломил скорлупу арахиса, бросил орешек в рот и прикрыл глаза.

— А как надо? — тяжело дыша, спросил Ли Мэн.

Чжао Лои приоткрыл один глаз и кивнул на валявшееся в грязи оружие:

— Подними. И заново.

Ли Мэн подобрал клинок, с сомнением оглядел тусклую сталь, затем перевёл взгляд на безмолвного учителя. Тот безмятежно жевал. Сжав зубы, юноша снова замахнулся на несчастное дерево.

В ушах отозвался тонкий, вибрирующий гул. Удар пришёлся вовсе не по стволу — Чжао Лои снайперски щелкнул пальцами, запустив косточку унаби прямо в стальное полотно. Меч задрожал, отдаваясь противной дрожью в ладони юноши.

Ли Мэн зашёл с другой стороны ствола, пряча оружие за спину. Он украдкой покосился на учителя. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами. Облегчённо выдохнув, Ли Мэн резко отвёл руку назад для замаха.

И снова металлический звон. Клинок со свистом вылетел из его пальцев.

Обида мёртвой хваткой стиснула горло. Ли Мэн открыл было рот, собираясь высказать всё, что думает, но холодное наставническое «ещё раз» мигом сбило с него спесь. Против воли Чжао Лои не попрёшь. Подняв меч, парень оставил дерево в покое. Он долго топтался на месте, соображая, как поступить, затем намертво вцепился обеими руками в рукоять и искоса зыркнул на галерею.

— А-а-а! — с боевым кличем ринулся он вперёд.

Чжао Лои даже не шелохнулся.

Юноша двигался на удивление стремительно. Последние два года он прилежно следовал главному завету учителя: «Прежде всего учись уносить ноги». Бегал он резво, уворачивался ловко, но вот в настоящем ратном деле оставался круглым невеждой.

Остриё меча неслось прямо в грудь Чжао Лои, но тот лёгким движением левой руки выставил перед собой медную трубку. Раздался глухой скрежет: оружие увязло в мягком круговом движении наставника. Правой рукой Чжао Лои преспокойно отправил в рот очередной

вяленный плод, обглодал его до косточки и уставился на ошарашенного ученика тяжёлым, изучающим взглядом.

В этот миг Ли Мэн с ужасом понял: клинок больше ему не подчиняется. Он словно прирос к чужому оружию.

Не успела эта мысль оформиться в голове, как воздух разорвал чистый стальной звон.

Длинный меч рванулся в сторону, увлекая за собой Ли Мэна, который от страха сжал рукоять мёртвой хваткой. Парня швырнуло наземь. Оперевшись на ладонь, он перекатился через плечо и замер в низком выпаде, тяжело дыша.

Поднявшись, он почувствовал, как нещадно саднят ладони — кожа на них лопнула, выступили мелкие капли крови.

Перекатывая за щекой косточку, Чжао Лои кивнул подбородком на оружие:

— Подними.

Подошедшему ученику он велел убрать клинок в ножны. Ли Мэн бережно сжал рукоять. Этот меч достался ему в первый же месяц ученичества. Чжао Лои тогда вернулся из какого-то похода под проливным дождём, в насквозь промокшей соломенной накидке, сбросил грязное, пропотевшее одеяние и швырнул его парню вместе с этим клинком.

Ли Мэн тогда впервые в жизни стирал чужие вещи. Изнеженному барчуку не хватало сил даже на то, чтобы как следует выжать плотную ткань. Благо сухой воздух префектуры Жуйчжоу за пару ночей справлялся с влагой. Юноша долго недоумевал, почему наставник носит одеяния, которые кажутся ему непомерно огромными. Но с тех пор это вошло в привычку: стирка лежала на нём, ведь у Чжао Лои он был единственным учеником. И Ли Мэн понимал — без этого человека на большой дороге его ждёт только смерть.

Он не походил на изнеженных сыновей столичных вельмож, выросших в роскоши Чжунъяня. Его отец некогда занимал высокий пост министра юстиции, но благоденствие семьи оказалось недолгим.

Нынешний император, Чжао Цяньюн, приходился племянником покойному регенту, при котором служил отец Ли Мэна. Старик сделал не ту ставку. Когда регент скоропостижно скончался, вслед за ним в загробное царство отправилась целая вереница некогда влиятельных чиновников. Отец был среди первых. За ним последовали двое старших братьев, младшая сестра и все наложницы. Ли Мэн тогда едва начинал входить в разум. Покидая Жуйчжоу, он наслушался толков о новой власти и впервые подумал, что ранняя смерть матери была благословением — иначе её ждала бы та же участь. Уж лучше лежать в сырой земле, чем принять смерть от одного клинка со спесивыми наложницами.

Потому-то, несмотря на юные годы, Ли Мэн превосходил в скрытности и злопамятности даже Шуфэна, который годами скитался по дорогам Поднебесной.

Он нерешительно посмотрел на меч.

— Раз отдал, значит, твой, — негромко произнёс Чжао Лои. — Я не собирался глумиться. Но запомни одну вещь: пока ты не научишься убивать любой щепкой, что подвернётся под руку, это оружие — твоя единственная опора. В Башне Десяти Направлений тот, кто лишается меча, лишается головы.

— Понял, — буркнул Ли Мэн.

В его памяти всплыли события перед их отъездом из Жуйчжоу. Тогда из колодца вытащили чётки, а через три дня на поверхность всплыла и рука старого монаха с приметной бородавкой.

— О чём задумался? — Чжао Лои подался вперёд, буравя его взглядом.

Ли Мэн попытался отвернуться, но жёсткие пальцы наставника железной хваткой сжали его подбородок, заставляя смотреть прямо в лицо.

С самого бегства из Чжунъяня парень панически боялся этого взгляда. Глаза Чжао Лои напоминали глаза степного кречета — холодные, пронизательные, способные разглядеть добычу с высоты и камнем рухнуть вниз.

Ли Мэн незаметно сжал кулаки.

— Когда стоишь перед врагом, в твоей голове должно быть только две мысли: первая — как выполнить приказ, и вторая — как выжить.

Заметив, что ученик покорно кивнул, Чжао Лои разжал пальцы. Он очистил от шелухи несколько зёрен арахиса и протянул их на ладони.

Ли Мэн робко взял угощение. Страх перед этим человеком никуда не делся.

Наставник, привыкший к одиночеству, обходился с ним ласковее, чем со многими, но понятия не имел, как воспитывать детей. Стоило ему протянуть руку, как Ли Мэн рефлексивно отпрянул, вжав голову в плечи.

Чжао Лои на мгновение замер, затем медленно опустил занесённую над чужим затылком ладонь:

— С завтрашнего дня начнём настоящие тренировки.

Радость вспыхнула в груди Ли Мэна, но Чжао Лои, уже собиравшийся уходить, обернулся и добавил ледяным тоном:

— И даже не думай соваться в императорский дворец. Время ещё не пришло.

Ли Мэн послушно промолчал, хотя внутри у него всё заledenело. Возвращаться в душную комнату не хотелось, и он принялся ожесточённо отрабатывать удары, пока пот не залил глаза. Немного остыв, он понял: о его планах учителю мог разболтать только один человек — Шуфэн.

Злость придала ему сил. Наскоро окатившись холодной водой из кадки, Ли Мэн расспросил служанок и отправился искать ябеду.

Поместье маркиграфа Линъяна оказалось огромным, превосходя размерами даже бывшую усадьбу его отца. Настоящий лабиринт из тенистых галерей и внутренних дворилов. Не пройдя и сотни шагов, Ли Мэн окончательно запутался. Обладая чутким слухом, он уловил странные, приглушённые звуки. Любопытство взяло верх, и он бесшумно скользнул на звук.

Над дверями покоев висела табличка с изящной надписью «Царство ароматов». Оттуда действительно тянуло приторно-сладкими благовониями — Ли Мэн же предпочитал едва уловимый запах цветущей сливы. Стараясь не дышать, он прильнул ухом к бумажной ширме окна.

Изнутри донёлся плеск воды.

Послышался мягкий, вкрадчивый женский голос:

— Сегодня утром тётушка Чэнь навещала матушку. Она уже знает, что в поместье прибыли твои друзья.

— Быстро же она пронюхала, — отозвался мужской голос.

— Они ведь только вчера вернулись из Чжунъяня. Видимо, слуги донесли.

Голос женщины звучал сладко, с лёгкой хрипотцой. Ли Мэну безумно захотелось заглянуть внутрь и посмотреть на неё. Мужчиной же, без сомнения, был Хо Ляньюнь. С самого их знакомства маркиз выказывал юноше особое расположение. Когда Чжао Лои уходил на дело, он всегда оставлял ученика под присмотром Второго брата. Ли Мэн видел Хо Ляньюня в бою чаще, чем собственного наставника. Да и внешне тот выделялся — статный, красивый, с приятным, бархатистым голосом, который невольно заставлял прислушиваться.

Пока парень витал в облаках, из-за ширмы снова донеслось:

— Она спрашивала про Башню Десяти Направлений?

— Нет, что ты. Спросила лишь, как вы сошлись с господином Чжао. Тётушка заметила его утром в саду и обронила, что тот совсем не похож на заезжего книжника.

— Ясно.

Плеск воды прекратился — должно быть, служанка принялась вытирать Хо Ляньюня. Опасаясь, что его застукают, Ли Мэн затаил дыхание и бесшумно скрылся за поворотом галереи.

После обеда Чжао Лои прилёг отдохнуть, а проснувшись, долго не мог отыскать ученика. Наконец он обнаружил его на заднем дворе — парень ожесточённо тузил Шуфэна. Наставник не вмешался. Он молча наблюдал за потасовкой битый час, пока старший не повалил младшего на землю и не зажал его шею коленями. Ли Мэн побагровел, хрипя и задыхаясь.

Только тогда Чжао Лои неторопливо вышел из тени.

В ушах у Ли Мэна звенело, из разбитого носа текла кровь, губа была рассечена. Впрочем, Шуфэну тоже досталось — его физиономия уже напоминала спелую тыкву.

— Ну и зрелище. Сцепились, точно торговки на рынке, — из-за перголы показался Хо Ляньюнь. Он покосился на безразличного друга: — Крепкие у тебя нервы, Четвёртый. Ученика калечат, а тебе хоть бы хны.

Чжао Лои с каменным лицом рванул Ли Мэна за шиворот, заставив подняться. Парень тихо зашипел от боли — ободранные ладони нещадно горели, — но не проронил ни слова.

Наставник планировал пройтись с ним по лавкам Линьчжоу, но после такого побоища о прогулке пришлось забыть.

Вечером Ли Мэн привычно принёс снадобье, но Чжао Лои отстранил его руку:

— В правом ящике комода, у самой стенки, возьми мазь. Она для тебя.

Парень угрюмо забрал склянку и убрал её в свой скромный узел с вещами. Там лежали пара заношенных халатов и две короткие железные полосы — одна из них была обломана у самого острия, но всё ещё годилась для дела.

— Днём махал кулаками как безумный, а теперь двух слов связать не можешь? — безучастно

спросил Чжао Лои, разглядывая узоры на оконной раме. Причина драки его, похоже, мало заботила.

— Обычная тренировка, — угрюмо буркнул Ли Мэн.

Тяжёлый взгляд наставника скользнул по его лицу — Ли Мэну показалось, будто по коже провели холодным лезвием. Не выдержав, он забрался на кровать позади мужчины, скрываясь от его глаз, и принялся помогать ему снимать верхнее одеяние.

— Ах ты, паршивец... — негромко проронил Чжао Лои, но продолжать не стал.

Ли Мэн сразу понял: учитель обо всём догадался. Он знал, что Шуфэн получил на орехи за длинный язык.

"До чего же жуткий человек, — тоскливо размышлял юноша. — Говорит мало, а видит насквозь. То ли дело Хо Ляньюнь — весёлый, обходительный. И почему мне достался именно этот сухарь? У других учеников наставники как отцы родные. Вон, учитель Шуфэна надавал ему с собой столько ядов, что на небольшую армию хватит. А меня отправили в Линьчжоу с жадным пронырой-старшим братом, который за медную монету родную мать продаст..."

Да и сам Чжао Лои хорош: виделся с Шуфэном всего пару раз, а доверил ему самое дорогое — собственную шкуру.

От обиды Ли Мэн дёрнул ткань слишком резко.

Прежде чем он успел опомниться, Чжао Лои рванул его на себя, заставляя распластаться на матрасе. Тяжёлая ладонь мгновенно зажала ему рот и нос. Шёлковый полог кровати с тихим шелестом рухнул вниз, отрезая их от комнаты — наставник сорвал подвязки незаметно для ученика. Ли Мэн отчаянно забился, пытаясь высвободиться.

В этот миг Чжао Лои щелкнул пальцами свободной руки.

Комната погрузилась в непроглядную тьму — единственный светильник погас. Ли Мэн замер. Он понял, что наставник напал на него не из-за грубости. Но когда его глаза привыкли к полумраку, он разглядел бледное лицо мужчины совсем близко. Хищный, ледяной взгляд Чжао Лои заставил сердце уйти в пятки. Юноша едва не закричал от ужаса.

Чжао Лои продолжал удерживать его, а вторую руку запустил глубоко под подушку, прямо за воротник Ли Мэна.

Холодные пальцы скользнули по шее, и по спине юноши пробежала крупная дрожь.

Он недовольно нахмурился, пытаясь что-то мычать, но вовремя прикусил язык. Издай он хоть звук — и наставник, не раздумывая, придушит его на месте. Ли Мэн затаил дыхание, напряжённо вслушиваясь в темноту.

— Одеяло, — выдохнул Чжао Лои прямо ему в ухо.

Ли Мэн торопливо потянул на себя край плотного покрывала. Под его затылком что-то металлическое мазнуло холодом по коже. Догадаться было нетрудно: скрытое оружие Чжао Лои покоилось под подушкой, и парень сам навалился на него всем телом.

Оба были налегке — Ли Мэн собирался спать и остался в одном нижнем белье, а наставник и вовсе успел скинуть рубаху. Чжао Лои прижимал его к постели, напряжённо вглядываясь сквозь щель в полог в темноту комнаты.

Ли Мэн чувствовал исходящий от его тела сухой, чистый жар. Пахло не дешёвым мылом, а чем-то диким, первобытным. Это пугало и будорожило. Парень чувствовал себя зайцем под лапой матёрого тигра — зверь пока не выпускал когти, но его мощь ощущалась в каждом микродвижении.

Когда терпеть близость стало совсем невозможно, шершавый палец коснулся его губ, и в рот Ли Мэну скользнули две круглые горькие пилюли.

Парень напряг горло, не решаясь проглотить неизвестное снадобье.

Чжао Лои, не сводивший глаз с прохода, резко опустил голову и выразительно посмотрел на него.

От горечи Ли Мэн едва не зашёлся кашлем, но наставник рывком вздёргнул его за воротник вверх.

В то же мгновение тишину разорвал оглушительный стрёкот. Десятки арбалетных болтов с глухим стуком вонзились в деревянную раму кровати, превращая шёлковый полог в решето.

Чжао Лои, удерживая ученика одной рукой, уцепился за потолочную балку.

Останься они на постели — их бы давно изрешетило. С трудом проглотив горькие пилюли, Ли Мэн услышал над ухом хриплый шёпот наставника:

— Прячься под стол. Сейчас он твой единственный щит.

Прежде чем парень успел сообразить, что происходит, его бесцеремонно швырнули вниз. Ли Мэн кубарем покатился по полу, влетел под массивную дубовую столешницу и мёртвой хваткой

вцепился в резные ножки.

В его сознании набатом зазвучали слова учителя:

"В Башне Десяти Направлений тот, кто лишается меча, лишается головы"

Пальцы юноши онемели от напряжения. Он подобрал ноги, затаил дыхание и вперил взгляд в темноту перед входной дверью.

<http://bllate.org/book/18266/1758167>